

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
Серия ВЫПУСК № 54 (1100)
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ИСЭРТ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Е. Холмогорова «Принуждение к мирному плану», опубликованная в газете «Известия», № 114, 25 июня 2014 года.

Вологда
июнь, 2014

Принуждение к мирному плану

Почему киевские власти не могут сломить сопротивление ополченцев Донбасса

Украинский кризис за последние полгода богат на неожиданные развороты.

То дошедший уже до майдана «Беркут» внезапно получает приказ остановиться, а через сутки власть Януковича падает как бы сама собой.

То бесчисленные политологи, прогнозирувавшие, что Крым будет пожизненно мучиться в статусе «непризнанной республики», изумленно ловят ртом воздух, когда принимается решение о воссоединении с Россией.

То, казалось, уже затухавшее протестное движение на Донбассе внезапно вспыхивает полномасштабным восстанием и войной.

И это не говоря уж о трагедиях, проходящих по разряду «случайных инцидентов» – вроде всеожожжения в Одессе.

И вот новый поворот – Владимир Путин в знак деэскалации предложил Совету Федерации отменить разрешение президенту на использование Вооруженных сил на территории Украины.

«Война», которую, если верить пропаганде киевских СМИ, «Россия объявила Украине» 2 марта, тем самым может считаться оконченной.

Что изменилось? В общем-то ничего. С официальной точки зрения президент никогда так и не воспользовался этим разрешением. Российские танковые колонны передвигались по территории сопредельного государства в воспаленном воображении тамошних военных аналитиков.

Были ли российские военнослужащие там на самом деле – вопрос веры. В Крыму верят, что «вежливые люди» были российскими военными. Луганские ополченцы на блокпостах верят в то, что российские истребители принуждали к посадке летевшие их бомбить штурмовики. Но наличие или отсутствие решения Совфеда никак на эту веру, право же, не влияет.

Зато в российском обществе гипотетическая возможность официального появления на Украине российских войск вызвала горячие дискуссии. Одни эксперты настаивали на том, чтобы войска были введены и чтобы государство действовало как можно более решительно. Другие – предостерегали против этого шага, ссылаясь то на мифическое «заманивание» нас американцами, то на реальную угрозу американских санк-

ций, то на тот факт, что в интересах прогресса и демократии России вообще следует поддерживать Киев, а не восставших русских на Донбассе.

При этом в дискуссиях очень часто смешивались две разные темы: гипотетическое прямое действие Российской армии и необходимость дипломатической, гуманитарной, а если надо, и военной помощи восставшим жителям Донбасса. Обсуждение одного предмета часто подменяло обсуждение второго, спорщики обрушивали друг на друга ворохи обвинений, а уж сколько обвинений сыпалось на Кремль – то в авантюризме, то в предательстве, и вовсе уму не постижимо.

Отмена решения Совета Федерации, по всей видимости, заканчивает этот спор. Никакого российского вторжения по «наведению порядка» на Украине в плане не стоит. Напротив, Россия сделает все возможное, чтобы кровопролитие прекратилось, и заставит мирный процесс двигаться вперед.

Вопрос в том, какими именно методами будет осуществляться принуждение к миру? Для этого достаточно проанализировать события июня. После разговора Порошенко и Путина в Нормандии возникла робкая надежда, что, может быть, новый глава власти в Киеве и в самом деле начнет мирный процесс, что у него, может, и впрямь существует какой-то мирный план.

Однако эти надежды были очень быстро развеяны. Первые две недели президентства Порошенко были временем наиболее интенсивной и жестокой военной операции, поставившей Донбасс и Луганск на грань гуманитарной катастрофы. Киев явно отошел от достигнутых в Нормандии неформальных договоренностей и попытался действовать нахрапом – отрезать восставшие республики от границы, задушить их блокадой, запугать мирное население.

Одновременно в самом Киеве развязан был газовый конфликт, начались нападения на российские дипломатические представительства и дикие выходы украинского МИДа. Наконец, как своеобразная кульминация, – убийство российских журналистов. Другими словами, вместо реального миротворчества Киев предпринял отчаянную попытку найти военное решение на Донбассе.

Если бы Россия проявила в этот момент пассивность, то, вполне вероятно, украинские националисты праздновали бы в данный момент «Победу в Пятой Русско-Украинской войне». Вместо этого Москва жестко поставила себя на газовых переговорах. Вновь, как в марте-апреле, по всей стране начались учения военных округов, наглядно продемонстрировавшие, что, если надо, Россия способна перебросить войска за тысячи километров за пару часов. На границах вновь появилась усиленная группировка вооруженных сил, весьма уместная в связи с обстрелами нашей территории.

Что происходило в этот момент на фронтах ополчения – зона умолчания, но умолявшие о помощи бойцы с какого-то момента стали настроены весело и бодро.

Эти мероприятия привели к тому, что настрой Киева стал резко более миролюбивым. Говорить о реальном соблюдении прекращения огня подчиненными Порошенко силами не приходится. Но военная операция с решительными целями, проводившаяся еще неделю назад, и в самом деле свернута.

Мало того, начались, пусть и довольно лукавые, переговоры, на которых Украину представляют частные лица. Но, спору нет, – влиятельные частные лица.

Этот-то робкий мирный процесс и пытается проспонсировать Путин, отказываясь от официального разрешения на использование войск. Вопрос, однако, в том, как будет проинтерпретирован Киевом этот жест.

Как встречный шаг в ответ на проявленную готовность к диалогу?

Как выход из режима вымышленной киевскими пропагандистами «войны»?

Или как гарантийное письмо, означающее, что Москва не сдвинет с места ни одного солдата, если Порошенко все-таки перейдет к пресловутому «Плану Б» по уничтожению восставшего Донбасса?

Крайняя степень неадекватности, проявленная киевским режимом начиная с февраля, не сулит ничего хорошего. Но мне все-таки представляется, что воспитательные мероприятия прошлой недели дали свой эффект. Киеву ясно показано, что военного решения донбасского вопроса не существует и придется искать решение политическое.

Есть ли шанс у переговорного процесса?

Есть, но лишь в одном случае, если Москва не будет играть на стороне Киева, не возьмет на себя роль инстанции, принуждающей Донбасс к покорности. Прежде всего необходимо отказаться от нашей дипломатической риторики по поводу «внутреннего дела самих украинцев». Совпадение этнонима и политонима играет здесь очень злую шутку, вследствие которой российская дипломатия замечает «жителей юго-востока Украины», но не замечает русских.

Однако фундаментальные требования, которые еще на политическом этапе противостояния звучали с Донбасса, – это требование уважения русского языка, это федеративный статус регионов Юго-Востока, связанный прежде всего с их национальными и культурными особенностями.

После устроенного Киевом масштабного кровопролития приходится говорить именно о межобщинной войне. Нас не должно смущать, что в рядах ополчения вместе сражаются паспортные русские, паспортные украинцы, армяне, греки, татары. Русская идентичность на Донбассе не сводится и не может сводиться к крови. Но в основе готовность восставших сражаться лежит именно эта идентичность, и она должна быть обеспечена переговорным процессом.

Станет ли Украина конфедерацией, затянется ли неопределенный статус на десятилетия, как в случае с Приднестровьем, произойдет ли что-то еще? В любом случае русское и русскоязычное (стоило бы уже отказаться от этого удвоения) население Донбасса должно быть защищено от той политики украинизации и русофобской ненависти, которая и стала причиной восстания.

Россия должна выступать защитником этих фундаментальных интересов отделенной от нас беловежской границей части нашего народа. И, разумеется, у Киева не должно быть никаких иллюзий, что однажды ему удастся разрубить донбасский узел мечом.

В августе 2008 года никакого решения Совета Федерации об использовании российских войск на территории Грузии не потребовалось.

Егор Холмогоров